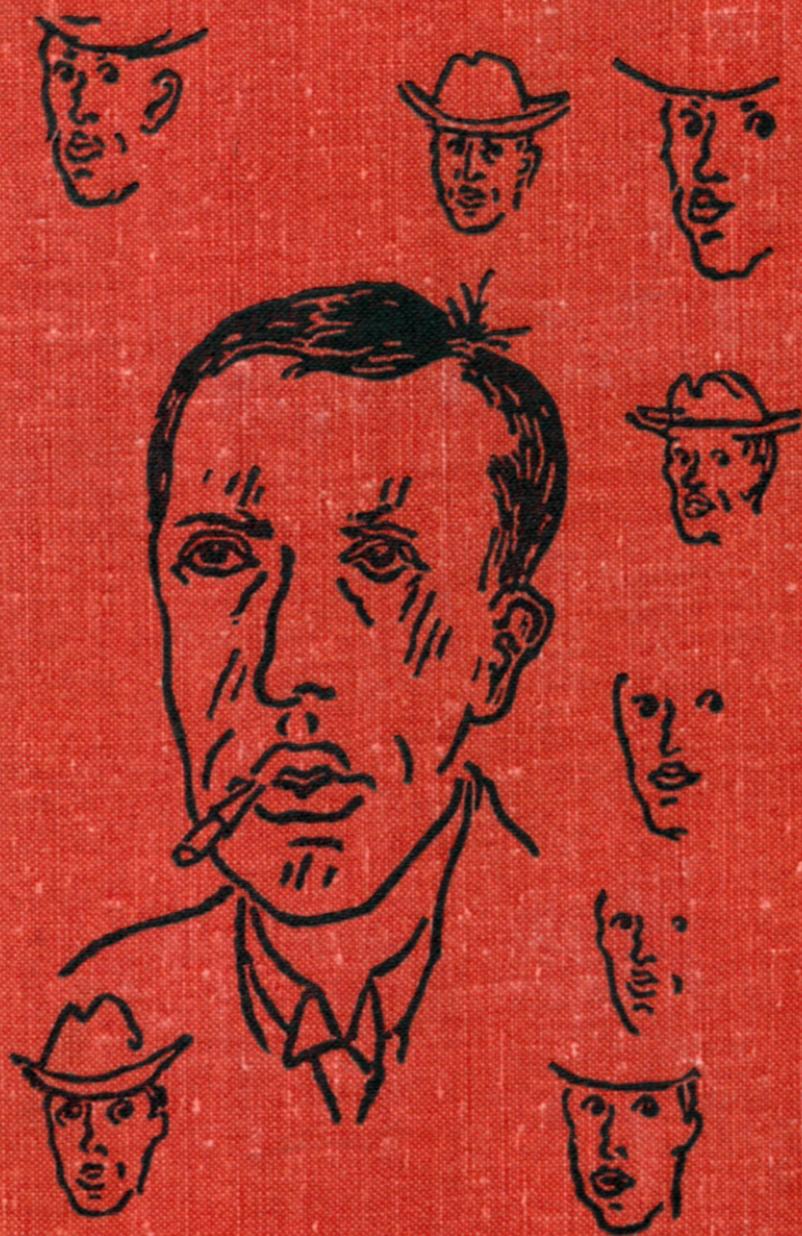

Карел Чапек

МОСКВА «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974

Карел Чапек

Собрание сочинений

в семи томах

*С иллюстрациями
Карела и Йозефа Чапек*

Редакционная коллегия:

Н. А. АРОСЕВА, О. М. МАЛЕВИЧ,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Б. Л. СУЧКОВ

Москва «Художественная литература» 1974

Карел Чапек

Собрание сочинений

Том первый

Рассказы

Перевод с чешского

Москва «Художественная литература» 1974

И (Чехосл)
Ч 19

Составление
С. Никольского

Вступительная статья
Б. Сучкова

Примечания
О. Малевича

Оформление художников
В. Шумиловой и Л. Рабичева

© «Художественная литература», 1974 г.

Ч $\frac{70304-284}{028(01)-74}$ подписное

Следы

Той ночью пан Рыбка возвращался домой в самом радужном настроении — во-первых, потому, что выиграл свою партию в шахматы («Превосходный мат конем», — всю дорогу восхищался он), а во-вторых, оттого, что свежеснеженный снег мягко хрустел под ногами в пустынном ночном безмолвии. «Господи, красота-то какая! — умилился пан Рыбка, — город под снегом вдруг приводится таким маленьким, старосветским городишком — тут и в ночных сторожей, и в почтовые кареты не трудно поверить. Вот поди ж ты, ведь испокон веков снег выглядит так по-старинному и по-деревенски».

Хруп, хруп, пан Рыбка выискивал непрямую тропку, и все не мог нарадоваться, слушая этот приятный хруст. Жил он в тихой окраинной улочке, а потому, чем дальше шел, тем следов становилось все меньше. «Смотри-ка, у этой калитки свернули мужские башмаки и женские туфельки, скорее всего — это супруги. Интересно, молодые ли? — размягченно подумал пан Рыбка, словно желая благословить их. — А вон там перебежала дорогу кошка, на снегу видны отпечатки лапок, похожие на цветочки; спокойной ночи, киска, уж и зазубнут у тебя нынче ножки». А теперь осталась только одна цепочка следов мужских, глубоких, ровная и отчетливая борозда, проведенная одиноком путником. «Кто же это мог забрести сюда? — спросил себя пан Рыбка с дружеским участием, — здесь так мало людей, ни одной протоптанной стези на снегу, это ведь — окраина жизни, вот добреду до дома, улочка до самого носа укроется белой периной, и покажется ей, будто она — детская игрушка. Обидно, что уже утром эту белизну нарушит почтальонша с газетами; она-то уж испещрит тут все вдоль и поперек, как заяц...»

Пан Рыбка внезапно остановился: собравшись пересесть беленькую улочку и пройти к своей калитке, он Увидел, что следы, оставленные кем-то, свернули с тротуара и тоже направились к его воротцам. «Кто же это приходил ко мне?» — поразился пан Рыбка и проследил взглядом направление четких отпечатков. Их было пять; точно посредине улицы они кончались явственным отриском левой ноги, а дальше не было ничего, лишь нетронутый чистый снег.

«Дурак я, дурак, — подумал пан Рыбка, — видно, прохожий вернулся на тротуар!» Однако — насколько хватало взгляда — тротуар был ровно застелен пышным снежным покровом без единого человеческого следа. «Черт побери, — подивился пан Рыбка, — скорее всего, следы обнаружатся на противоположной стороне!» И он обогнул оборвавшуюся цепь следов; но на противоположной стороне тоже не было ни единого отпечатка; вся улица светилась целомудрием пушистого снега, так что от этой чистоты захватывало дух; с тех пор как выпал снег, здесь не проходил никто. «Странно, — бормотал пан Рыбка, — видно, прохожий вернулся на тротуар, ступая по своим прежним следам; но тогда он должен был пятиться до самого перекрестка, потому как, начиная оттуда, я увидел перед собой *эти отпечатки*, именно они вели сюда, а других следов не было... Да, но к чему это было делать? — изумился пан Рыбка. — И как, идя задом наперед, пешеход ухитрялся попадать *точно* в свой след?»

Недоуменно качая головой, пан Рыбка отворил калитку и вошел в дом; понимая, что это глупость, он все-таки решил осмотреть, нет ли *внутри* дома ошметков снега; разумеется, откуда бы им там взяться! «Наверное, померещилось! — обеспокоенно буркнул пан Рыбка и высунулся из окна; на улице в свете фонаря он ясно различил пять четких, глубоких отпечатков, обрывающихся посреди улицы; и ничего больше. «Гром их разрази! — чертыхнулся пан Рыбка и протер глаза. — Когда-то мне попадался рассказик о единственном отпечатке на белом снегу; но здесь их — несколько, а дальше — пустота. Куда же этот тип подевался?»

Не переставая недоуменно качать головой, пан Рыбка принялся раздеваться, но вдруг передумал и, подняв трубку телефона, сдавленным голосом попросил полицейский участок:

— Алло, это комиссар Бартошек? Знаете, тут такое *странное* дело, *очень* странное... Не могли бы вы послать кого-нибудь, или лучше придите сам... Хорошо, я подожду на углу. О чем речь, затрудняюсь сказать... Нет, по-моему, опасности нет, важно только, чтобы эти следы никто не затоптал. *Чьи* следы, неизвестно! Так, значит, я вас жду.

Пан Рыбка оделся и снова вышел на улицу; осторожно обогнул следы, стараясь не затоптать их даже на тро-

туаре. На углу, дрожа от холода и возбуждения, стал поджидать комиссара Бартошека. Было тихо, и земля, населенная людьми, покойно светилась во вселенной.

— Какая здесь приятная тишина, — меланхолически заметил подошедший комиссар Бартошек. — А в отделении мне пришлось унимать драчунов и возиться с пьяницей. Тьфу! Так что у вас?

— Проследите за этими отпечатками на снегу, — произнес пан Рыбка дрожащим от волнения голосом. — Это недалеко, всего в двух шагах.

Комиссар осветил дорогу электрическим фонариком.

— Ничего себе дылда; наверно, метр восемьдесят, — ответил он, — судя по величине следа и размаху шагов. Сапоги приличные, по-моему, ручной работы. Пьян он не был и шагал довольно твердо. Я не понимаю, что вам в них не поправилось?

— Вот это, — коротко ответил пан Рыбка и указал на цепь следов, оборвавшуюся посреди улицы.

— А - а , — прогудел комиссар Бартошек, не долго думая, присел на корточки возле последнего следа и осветил себе фонариком.

— Ничего особенного, — удовлетворенно проговорил он, — совершенно нормальный, рельефный след. Центр тяжести приходится скорее на пятку. Сделай он еще шаг либо прыжок, центр тяжести был бы перенесен на кончики пальцев, понятно? И это тоже было бы видно.

— Значит... — весь напрягшись, спросил пан Рыбка.

— Да , — спокойно подтвердил комиссар, — это значит, что дальше он не сделал ни шагу.

— Куда же он делся? — в необычайном волнении вырвалось у Рыбки.

Комиссар пожал плечами.

— Не могу знать. Вы что... подозреваете кого-нибудь?

— Какое подозрение? — поразился пан Рыбка. — Любопытно только, куда он делся. Посудите сами: выходит, вот тут он сделал последний шаг, а куда же, ответьте Христа ради, шагнул потом? Ведь здесь больше нет никаких отпечатков?

— Сам в и ж у , — сухо сказал комиссар. — А вам-то не все ли равно, куда он шагнул? Или это кто-нибудь из ваших близких? Уж не пропал ли кто? Нет? Но тогда, черт побери, какое вам дело, куда он провалился?

— Но все-таки... хорошо бы выяснить... — пролепетал пан Рыбка. — Вы не находите, что он двинулся обратно по своим собственным следам?

— Чепуха, — буркнул комиссар. — Когда человек движется задом наперед, шаги у него короче и ноги он расставляет шире, чтобы не потерять равновесия; кроме того, он не поднимает ног, так что на снегу были бы вырыты целые канавы. А тут ступили только один раз. Видите, какой отчетливый отпечаток?

— Но если он не возвращался, — упрямо твердил свое пан Рыбка, — то куда же он пропал?

— Это уж его забота, — ворчал пан комиссар. — Послушайте, коли он ничего не натворил, мы не имеем права вмешиваться! Для этого надо, чтоб на него *донесли*; только тогда мы можем начать предварительное расследование...

— Но разве бывает, чтоб человек взял да провалился посреди улицы? — не переставал удивляться пан Рыбка.

— Давайте подождем, сударь, — посоветовал невозмутимый комиссар. — Ежели кто исчез, то через несколько дней об этом заявит его семья либо кто другой; вот тогда мы и начнем розыски. А покуда ничего не обнаружено, нам делать нечего. Не положено.

В душе пана Рыбки поднималось мрачное чувство гнева.

— Простите, — язвительно проговорило н, — но по-моему, полиция *обязана*-таки немножко поинтересоваться тем, как это ни с того ни с сего мирный пешеход провалился посередине улицы!

— Да ведь с ним ничего плохого не случилось, — успокаивал Рыбку пан Бартошек, — тут никаких признаков драки... Ведь если бы на него напали, уволокли, то понатоптали бы столько следов... Крайне сожалею, сударь, но я ничем не могу быть вам полезен.

— Однако, пан комиссар, — всплеснул руками пан Рыбка, — вы хоть растолкуйте мне... это ведь какая-то загадка...

— Пожалуй, — задумчиво согласился пан Бартошек. — Но вы не можете себе представить, сколько на свете разных загадок. Каждый дом, каждая семья — настоящая тайна. Когда я шел сюда, то вон в том доме навзрыд запричитал молодой женский голос. Загадки, сударь, это не наше дело. Нам платят за поддержание порядка. Неужто

вы думаете, будто мы разыскиваем жуликов из любопытства? Нет, голубчик, мы разыскиваем их, чтоб отвести в тюрьму. Порядок есть порядок.

— Вот видите, — вырвалось у пана Рыбки, — даже вы признаете, что это непорядок, если кто-то посреди улицы... скажем, взлетел прямо в воздух, не правда ли?

— Все зависит от того, как на это взглянуть, — заметил комиссар. — Существует такое полицейское правило — если возникла опасность падения с некоей высоты, то человека нужно привязать. Тут в первую голову предупреждают, а потом берут штраф. Ежели кто вознесся ввысь самовольно, полицейский обязан, само собой, напомнить, чтобы он пристегнул предохранительные ремни; однако полицейского, как видно, поблизости не оказалось, — произнес он извиняющимся тоном. — Ведь после него тоже остались бы следы. Впрочем, этот чудак мог исчезнуть и как-нибудь иначе, не правда ли?

— Но как? — быстро спросил пан Рыбка. Комиссар Бартошек покачал головой:

— Трудно сказать. Может, вознесся, а может, поднялся по лестнице Иакова, — неуверенно предположил он. — Вознесение можно расценить как похищение, если оно совершалось насильственно; но, по-моему, обычно это происходит с согласия потерпевшего. А вдруг этот человек обладал способностью летать... Вы никогда не видели во сне, как вы летаете? Легонечко так оттолкнешься от земли и летишь... Некоторые летают, словно воздушный шар, а я, когда летаю во сне, время от времени отталкиваюсь ногой; по-моему, тяжелое обмундирование и сабля тянут меня вниз. Может, человек этот уснул и улетел во сне? И это не возбраняется, сударь. Конечно, на людной улице полицейский обязан был бы сделать такому летуну предупреждение. Постойте, а может, это левитация? Спириты верят в левитацию; но спиритизм тоже не запрещен. Пан Баудыш рассказывал мне, будто сам видел, как медиум висел в воздухе. Кто знает, в чем тут дело.

— Но, пан комиссар, — укоризненно произнес пан Рыбка, — вы же сам себе не верите! Это же нарушение всех естественных законов!

Пан Бартошек уныло пожал плечами.

— Кому-кому, а мне-то слишком хорошо известно, как некоторые лица преступают всевозможные законы и

установления; если бы вы служили в полиции, то узнали бы об этом получше... — Комиссар махнул рукой. — Я бы не удивился, если бы они принялись нарушать и естественные законы. Люди — большая пакость, сударь. Ну, спокойной ночи; что-то холодно стало.

— А не выпить ли нам вместе чашечку чая... или рюмку сливовицы? — предложил пан Рыбка.

— Отчего бы и не т, — устало ответил комиссар. — Знаете, в нашем мундире даже в кабаке запросто не войдешь. Оттого-то полицейские такие трезвенники.

— Загадка, — продолжал он, устроившись в кресле и задумчиво следя за тем, как на носке его сапога тает снег. — Девяносто девять прохожих из ста прошли бы мимо этих следов и не обратили бы на них внимания. Да и вы тоже пройдете мимо девяноста девяти из сотни загадочных случаев. Черта лысого мы знаем о том, как все обстоит на самом деле. Лишь немногие вещи лишены тайны. Нет тайны в порядке. Нет ничего загадочного в справедливости. В полиции тоже нет никакой загадки. Но уже любой прохожий на улице — загадка, потому как мы над ним невластны, сударь... Однако и он, стоит ему совершить кражу, перестанет быть загадочным, — мы попросту запрем его в камеру, и — конец; по крайней мере, нам будет ясно, чем он занимается, и мы сможем взглянуть на него хотя бы через дверной глазок, понимаете? Это журналисты могут писать: «Загадочная находка — труп!» Скажите на милость! Что же в трупе загадочного? Когда труп поступает к нам, мы его обмеряем, фотографируем и производим вскрытие; мы изучим на нем все до нитки; узнаем, что он ел в последний раз, отчего наступила смерть и все такое прочее; сверх того, нам станет известно, что убийство совершено, скорее всего, из-за денег. И все так просто и ясно... Мне, пожалуйста, чаю покрепче, пан Рыбка. Преступления обычно просты, пан Рыбка; в них, по крайности, видны мотивы да и вообще все, что с ними связано. А загадочно, скажем, то, о чем думает ваша кошка, что снится вашей прислуге, отчего так задумчиво смотрит в окно ваша жена. Все загадочно, сударь, кроме преступлений; криминальный казус — это ведь точно определенная частица реальности, такая частица, которую мы будто бы осветили фонарем. Обратите внимание, если бы я принялся разглядывать вашу квартиру, я кое-что узнал бы

и о вас, но я смотрю на носок своего ботинка, потому что служебных дел у меня к вам нет; на вас нам никто не доносил, — добавил он, отхлебывая горячий чай.

— Странное все-таки представление, — начал он снова, помолчав, — будто полицию и, главное, тайных агентов интересуют загадки. Да чихать мы на них хотели; нас интересуют нарушения порядка. Преступление интересует нас не потому, что оно загадочно, а потому что оно противозаконно. Мы преследуем негодяев не ради интеллектуального интереса; мы преследуем их, чтобы именем закона засадить в тюрьму.

— Послушайте, подметальщики бегают с метлой по улицам не затем, чтобы в пыли читать человеческие следы, но чтобы замести и убрать всяческие непотребства, которые наворотила жизнь. Порядок — ничуть не таинствен. А наводить порядок — это черная работа, сударь; и тому, кто взялся наводить чистоту, приходится совать пальцы в любую грязь. Кому-то ведь нужно этим заниматься, не так ли? — устало произнес полицейский. — Так же как забивать телят. Забивать телят из любопытства — жестоко; это занятие должно стать повседневным ремеслом. Коли человек обязан совершать поступки, то он, по крайней мере, должен знать, что у него на это есть право. Обратите внимание, справедливость должна быть абсолютна и однозначна, как таблица умножения. Не знаю, в состоянии ли вы мне доказать, что *любая кража* предосудительна; я же берусь доказать вам, что всякая кража запрещена законом, и если вы вор — я тут же вас арестую. Даже если вы начнете сорить на улицах жемчугом, полицейский только укажет вам, что вы загрязняете общественные места. А ежели вздумаете творить чудо — вам этого никто не запретит, разве что ваши действия вызовут публичное возмущение либо будут расценены как безнравственные. В ваших поступках должна заключаться некая непристойность, чтобы мы могли принять меры.

— Но, сударь, — возразил пан Рыбка, которому не сиделось на месте, — неужто для вас этого достаточно? Речь идет о таком странном, таком таинственном случае... а вы...

Пан Бартошек пожал плечами.

— Это меня не касается. Ежели вам желательно, я прикажу засыпать следы, чтоб они не мешали вам спать,

сударь. Но больше я ничем помочь не могу. Вы ничего не слышите? Ничьих шагов? Идет наш патруль; значит, сейчас два часа семь минут. Покойной ночи, сударь.

Пан Рыбка проводил комиссара за калитку; посреди улицы все еще была заметна резко и необъяснимо оборванная цепочка следов. По противоположному тротуару шествовал полицейский.

— Мимра! — крикнул комиссар. — Что новенького? Полицейский Мимра взял под козырек.

— В общем, ничего, господин комиссар, — доложил он. — Там вон, возле дома номер семнадцать, мяукала кошка. В девятом забыли запереть двери. На перекрестке раскопали улицу и не повесили красный фонарь, а у лавочника Маршика вывеска висит на одном гвозде; рано утром придется снять, чтоб не свалилась кому-нибудь на голову.

— И все?

— В с е , — подтвердил полицейский М и м р а . — Утром придется посыпать тротуары, чтоб люди не поломали ноги; надо бы в шесть часов позвонить дворникам...

— Ну л а д н о , — сказал комиссар Б а р т о ш е к . — Спокойной ночи!

Пан Рыбка еще раз оглянулся на следы, что вели в неизвестность. Но на месте последнего отпечатка сейчас виднелись основательные оттиски сапог полицейского Мимры; оттуда его следы размеренной и ясной чередой следовали дальше.

«Ну слава богу!» — с облегчением вздохнул пан Рыбка и отправился спать.

Содержание

<i>В. Л. Сучков. Карел Чапек (1890—1938)</i>	5
--	---

РАССКАЗЫ

РАННИЕ РАССКАЗЫ

Перевод Н. Аросовой

Искушение брата Гранквиллия	71
Возвращение прорицателя Гермотима	74
Аргентинское мясо	77
Американское сало	81

САД КРАКОНОША

Автобиографическое предисловие. <i>Перевод С. Никольского</i>	80
Система. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	96
Пшеница. <i>Перевод С. Никольского</i>	102
Аристократия. <i>Перевод С. Никольского</i>	105
О разных средствах. <i>Перевод С. Никольского</i>	107

СИЯЮЩИЕ ГЛУБИНЫ

Красный рассказ. <i>Перевод Н. Замошкиной</i>	111
От поцелуя до поцелуя. <i>Перевод Е. Элькинд</i>	122
Остров. <i>Перевод Е. Элькинд</i>	126
Сияющие глубины. <i>Перевод О. Малевича</i>	133

РАСПЯТИЕ

Перевод В. Мартемьяновой

След	145
Лида	152
Гора	168
Песнь любви (Лида, II)	387
Элегия (След, II)	201
История без слов	212
Надпись	215
Зал ожидания	219
На помощь!	224

МУЧИТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Отцы. <i>Перевод Е. Аникст</i>	231
Трое. <i>Перевод Е. Аникст</i>	236
В замке. <i>Перевод Т. Аксель</i>	243
Деньги. <i>Перевод Т. Аксель</i>	283
Жестокий человек. <i>Перевод Т. Аксель</i>	279
Рубашки. <i>Перевод Т. Аксель</i>	294
Трибунал. <i>Перевод Е. Аникст</i>	301

РАССКАЗЫ ИЗ ОДНОГО КАРМАНА

Случай с доктором Мейзликом. <i>Перевод Т. Аксель</i>	307
Голубая хризантема. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	311
Гадалка. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	316
Ясновидец. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	321
Тайна почерка. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	327
Беспорное доказательство. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	334
Эксперимент профессора Роусса. <i>Перевод Т. Аксель</i>	338
Пропавшее письмо. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	345
Похищенный документ № 139/VII отд. «С». <i>Перевод Т. Аксель</i>	351
Человек, который никому не нравился. <i>Перевод Т. Аксель</i>	359
Поэт. <i>Перевод Т. Аксель</i>	364
Происшествия с паном Яником. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	370
Гибель дворянского рода Вотичких. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	378
Рекорд. <i>Перевод Т. Аксель</i>	387
Дело Сельвина. <i>Перевод Н. Аросевой</i>	394
Следы. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	401
Купон. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	408
Конец Оплатки. <i>Перевод Т. Аксель</i>	416
Последний суд. <i>Перевод Т. Аксель</i>	423
Преступление в крестьянской семье. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	427
Исчезновение актера Бенды. <i>Перевод Т. Аксель</i>	432
Покушение на убийство. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	442
Освобожденный. <i>Перевод Т. Аксель</i>	446
Преступление на почте. <i>Перевод Т. Аксель</i>	452

РАССКАЗЫ ИЗ ДРУГОГО КАРМАНА

Похищенный кактус. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	461
Рассказ старого уголовного. <i>Перевод Н. Аросевой</i>	487
Исчезновение господина Гирша. <i>Перевод В. Чешихиной</i>	472
Редкий ковер. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	478
История о взломщике и поджигателе. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	487
Украденное убийство. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	493
Случай с младенцем. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	500
Графиня. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	509
История дирижера Калины. <i>Перевод Т. Аксель</i>	514
Смерть барона Гандары. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	519
Похождения брачного афериста. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	524
Баллада о Юрае Чупе. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	530
Рассказ об утерянной ноге. <i>Перевод А. Косорукова</i>	530
Головокружение. <i>Перевод Н. Аросевой</i>	540
Исповедь. <i>Перевод А. Косорукова</i>	546
Взломщик-поэт. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	550
Дело господина Гавлены. <i>Перевод Т. Аксель</i>	556
Игла. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	561
Телеграмма. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	565
Человек, который не мог спать. <i>Перевод А. Косорукова</i>	571
Коллекция марок. <i>Перевод А. Косорукова</i>	576
Обыкновенное убийство. <i>Перевод А. Косорукова</i>	582
Присяжный. <i>Перевод Н. Замошкиной</i>	586
Последние мысли человека. <i>Перевод Н. Замошкиной</i>	591

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Прожигатель жизни. <i>Перевод И. Ивановой</i>	597
О последних делах человека. <i>Перевод И. Ивановой</i>	599
Чудо на стадионе. <i>Перевод И. Ивановой</i>	601
Судебный случай. <i>Перевод И. Ивановой</i>	603
Черт. <i>Перевод И. Ивановой</i>	606
Паштет. <i>Перевод И. Ивановой</i>	608
Контора по переселению. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	613
Первый гость. <i>Перевод И. Ивановой</i>	616
Проект. <i>Перевод И. Ивановой</i>	618

Общество кредиторов барона Бигари. <i>Перевод И. Ивановой</i>	620
Тонда. <i>Перевод И. Ивановой</i>	623
Если бы в суде заседали дипломаты. <i>Перевод О. Малевича</i>	625
Ореол. <i>Перевод Ю. Молочковского</i>	627
Человек, который умел летать. <i>Перевод Ю. Молочковского</i>	634
О всемирном потопе. <i>Перевод И. Ивановой</i>	640
Интервью. <i>Перевод О. Малевича</i>	644
Десять сентаво. <i>Перевод И. Ивановой</i>	647
<i>О. Малевич. Комментарии</i>	655